

Лю Сюйцзе внезапно яростно уставился на Се Юня, его грудь бурно вздымалась, несколько раз он открывал рот, но слова застревали в горле.

Однако он не зря был старейшиной — через мгновение он сумел насильно восстановить самообладание, и когда заговорил снова, его голос, хотя и был хриплым и резким, всё же звучал относительно спокойно:

— Боевое искусство командира Се достигло совершенства, Лю сегодня воочию убедился... Но ещё есть мышьяк, изъятый из кельи. Что ты на это скажешь, разве Лю оклеветал этого монаха?

— Не смею, старейшина Лю сказал, что изъяли оттуда, значит, изъяли оттуда.

Се Юнь сделал паузу и бесстрастно продолжил:

— Просто обыскивать только храм Цыэнь несправедливо. Надо знать, что наследный принц на всём пути следовал вместе со старейшиной Лю, не расставаясь, был его тенью. Если говорить только об отравлении, то возможность контакта с едой и питьём наследного принца была не только у людей этого буддийского храма...

— Что ты хочешь сказать?!

Се Юнь мягко бросил нефритовую подушку обратно на поднос, его движения были плавными и неторопливыми, даже с некоторой неспешностью.

— Старейшина Лю, — сказал он, — сегодняшней фарс с отравлением наследного принца и обвинением императрицы должен на этом закончиться.

Сердца всех присутствующих одновременно пропустили удар.

Выражение лица Лю Сюйцзе тоже на мгновение окаменело, затем он, наконец, сообразил и тут же засыпал вопросами:

— Что командир Се имеет в виду? Разве наследный принц отравился не из-за этой миски кислого фруктового супа? Разве изъятие мышьяка из буддийского храма — это инсценировка с моей стороны? Даже ты сам только что проверял — стоило серебряной игле погрузиться в кислый фруктовый суп, как она мгновенно почернела...

— Отравлен был не кислый фруктовый суп, — перебил Се Юнь.

Под потрясёнными взглядами присутствующих он криво улыбнулся:

— Если бы ты не перестарался, пытаясь обвинить ещё и императрицу, эта пьеса чуть не обманула даже меня.

Не дав Лю Сюйцзе опомниться, он повернулся к Дань Чао и небрежно спросил:

— Эй, монах, а как вы готовите этот кислый фруктовый суп?

В сердце Дань Чао тоже возникли сомнения, но, услышав вопрос, он немедленно ответил:

— Это свежие персики, дыня и киви, приправленные засахаренной зелёной сливой и различными пряностями, охлаждались льдом двенадцать часов, после чего...

Се Юнь вздохнул и кивнул:

— Вот как.

Он резко повернулся и направился к почётному месту. Все ещё не успели опомниться, как увидели, что он прямо подошёл к наследному принцу, взял с стола нефритовую чашу и под невероятными взглядами со всех сторон одним глотком выпил весь оставшийся сироп!

Дань Чао был ближе всех, мгновенно бросился вперёд и резко крикнул:

— Ты с ума сошёл?! Остановись!

С звонким лязгом Се Юнь разбил нефритовую чашу, повернулся и улыбнулся Дань Чао.

Эта улыбка с мягкими, чувственными губами, в этом полном смертельной опасности буддийском зале, обладала какой-то порочной, завораживающей притягательностью.

— Глупец, — просто сказал он, улыбаясь. — Сироп абсолютно неядовит.

Осколки нефритовой чаши разлетелись по полу, все остолбенели.

Се Юнь одной рукой, незаметно для других, опёрся на стол, затем повернулся, прошёл мимо Дань Чао и направился к Лю Сюйцзе, лицо которого выражало полное недоумение, будто он увидел призрака.

По неизвестной причине, когда они поравнялись, Дань Чао показалось, что лицо Се Юня выглядит несколько странно — хотя его всегдашнее легкомысленно-развязное отношение, вызывающее неприязнь, ничуть не изменилось, но губы слегка посинели. Дань Чао усомнился, не показалось ли ему, потому что сразу же увидел, как Се Юнь вышел в центр зала, его движения и голос были устойчивыми и даже спокойными:

— Из одной и той же миски с сиропом монах выпил — и ничего, а наследный принц именно отравился, потому что кислый фруктовый суп вообще неядовит.

— Отравление наследного принца — правда, а нефритовая подушка и мышьяк — подделка. Тот, кто отравил наследного принца, на самом деле — другой человек.

Лю Сюйцзе смотрел на Се Юня так, будто видел, как к нему приближается мёртвый труп, его лицо то зеленело, то белело, выражая сомнение и неуверенность. Спустя некоторое время он дрожащим голосом произнёс:

— Ты... ты не смей клеветать, ты что, хочешь сказать, что отравил наследного принца — это я?!

Се Юнь фыркнул, неспешно похлопал в ладоши.

Хлоп, хлоп, хлоп. Едва отзвучали хлопки, за дверь буддийского зала быстро вошёл молодой человек в тёмной одежде, стройного телосложения, низко поклонился Се Юню и сложил руки в приветствии:

— Докладываю командиру: только что императорская гвардия обыскала багаж старейшины Лю и обнаружила кувшин с дворцовым секретным составом «Красная макушка журавля», разбавленный водой в несколько раз. После того как скормили собаке, та билась в конвульсиях полчаса, после чего испустила дух. Подчинённые уже задержали сопровождающих евнухов и слуг для допроса, прошу командира принять решение.

Лю Сюйцзе вспыхнул от гнева:

— Дерзость! Кто дал вам право обыскивать меня, старика?!

— Скормили собаке — и та умирала полчаса, поэтому наследный принц после употребления тоже отравлялся постепенно... — Се Юнь сделал паузу, с усмешкой повернувшись к Лю Сюйцзе:

— У старейшины весьма ядовитые методы, что теперь намерен объяснить?

Эта новая волна, поднявшаяся до того, как улеглась предыдущая, головокружительное развитие событий уже заставило всех остолбенеть, в буддийском зале воцарилась гробовая тишина.

В этой напряжённой мёртвой тишине вдруг раздался прерывистый умоляющий голос наследного принца:

— Се... любимый министр, старейшина... тот, кому я, ваш подданный, глубоко доверяю...

[Наследный принц всё же был слишком молод, его хитрость ещё не достигла такой глубины, и сейчас он уже не выдержал.]

Однако Се Юнь даже не повернул головы, лишь слегка склонил лицо в сторону:

— Именно потому, что старейшина пользуется глубоким доверием вашего высочества, ему было удобнее совершить преступление. Ваше высочество уже отравлен, лучше сначала отдохнуть, это дело можете оставить на моё усмотрение.

— Ты...!

Наследный принц мгновенно разгневался, ци и кровь хлынули вверх. К счастью, стоящий рядом с ним Дань Чао был проворным, повернулся и быстро нажал на несколько важных точек у его сердца:

— Как ваше высочество?

Наследный принц тяжело дышал, схватил руку Дань Чао, в его глазах читался неподдельный ужас:

— Ма... мастер Синь Чао, быстро придумай, как спасти старейшину, старейшина ради меня...

Его голос был очень тихим, но Дань Чао стоял вплотную к нему и расслышал каждое слово.

[Старейшина ради меня.]

В сознании Дань Чао мгновенно сверкнула мысль, и он внезапно всё понял.

Почему наследный принц отравился, но ядовитое вино нашли в багаже его доверенного лица Лю Сюйцзе; почему после изъятия ядовитого вина наследный принц всё ещё всячески защищал Лю Сюйцзе, не жалея публично умолять Се Юня не расследовать дальше...

Это была инсценировка «горькой плоти».

А Лю Сюйцзе и другие, режиссировавшие этот большой спектакль, сначала обвинили храм Цыэнь, затем «изъяли» мышьяк и нефритовую подушку, и цель их указала на мать, олицетворяющую Поднебесную во дворце Дамин — императрицу У!

[Неудивительно, что как только наследный принц отравился, Лю Сюйцзе тут же объявил, что у него есть «снежный лотос», исцеляющий от сотни ядов — ведь на самом деле никто не хотел убивать наследного принца!]

Дворцовые интриги, скрытность человеческих сердец, ужас этого очевиден.

Острый, как лезвие ножа, взгляд Дань Чао скользнул, увидел разбитую нефритовую чашу на полу и последние капли уже высохшего сиропа, и в его сердце внезапно возникло новое сомнение: если это изначально была инсценировка, и Лю Сюйцзе дал наследному принцу «красную макушку журавля» заранее, то почему серебряная игла, погружённая в кислый фруктовый суп, почернела? Сироп он готовил своими руками, по логике, у него не должно было быть возможности подсыпать яд.

Самое главное: если это была просто инсценировка «горькой плоти», то почему отравление наследного принца было таким сильным, и если бы он сам не вмешался и не спас, то сейчас тот действительно был бы мёртв?

В голове у Дань Чао царил путаница, но внешне он был чрезвычайно спокоен, даже успокаивающе похлопал наследного принца по плечу, давая понять, что всё понял.

В этот момент в зале Лю Сюйцзе, казалось, тоже подумал об этих двух моментах и с усмешкой сказал Се Юню:

— Командир Се говорит, что «красную макушку журавля» изъяли оттуда, значит, изъяли оттуда.

[Этими словами Се Юнь только что возражал ему, теперь он скопировал их, чтобы возразить Се Юню, что было несколько бесстыдным.]

— Но есть один момент, о котором я, старик, хотел бы спросить командира Се: даже если в моём багаже и была «красная макушка журавля», это не обязательно означает, что я — главный виновник отравления наследного принца. А вот в кислом фруктовом супе, поданном храмом Цыэнь, ты, командир Се, лично обнаружил мышьяк — как это объяснить?!

Этот момент тоже хотелось знать Дань Чао.

Он резко взглянул на Се Юня и увидел, что тот, кажется, немного устал от долгого стояния, скрестил руки на груди, отступил на полшага назад и слегка прислонился поясницей к краю длинного стола.

— Именно в этом проявляется мудрость старейшины Лю. Старейшина хорошо изучил медицинские книги и трактаты, вероятно, считает, что у меня, Се, нет и капли знаний, я груб и неотёсан...

[Отсутствие капли знаний — это пока оставим, но сочетание слова «грубый и неотёсанный» со стройной и элегантной фигурой командира Се вызывало несколько смешную иронию.]

— Однако это не так, — Се Юнь сделал паузу, насмешливо сказав:

— Свежие персики, дыня, киви — ингредиенты для приготовления кислого фруктового супа и есть ключ к твоему плану; независимо от того, ядовит суп или нет, при погружении серебряной иглы он почернеет.

Выражение в глазах Лю Суйцзе наконец-то по-настоящему изменилось.

<http://bllate.org/book/15578/1387038>